

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ РЕЖИЦКОГО СОВЕТА

(К истории установления Советской власти в Латгалии)

В. В. ФАРСОБИН

История местных Советов 1917 г. изучена далеко недостаточно. Пока имеется мало сведений об изменении их партийного и личного состава, о внутреннем устройстве, системе выборов, конкретной борьбе внутри них. Большие потери источников революционной эпохи, слабость научно-справочного аппарата архивов и недостаток библиографических указателей осложняют систематизацию знаний в этой области. Имеются Советы, деятельность которых до сих пор остается белым пятном. К их числу принадлежит Режицкий Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, являвшийся важным центром революционной борьбы на территории Латвии.

В 1917 г. Режица (ныне г. Резекне Латвийской ССР) являлась перепутьем дорог. Через нее проходили железнодорожные линии, связывавшие Северный фронт с Петроградом и Москвой. Именно здесь были задержаны значительные силы карательных войск Керенского, направленные на подавление петроградских рабочих и солдат. В этих условиях интерес к деятельности Режицкого Совета возрастает. Собранные нами факты и источники позволяют осветить узловые моменты истории этого Совета с апреля по октябрь 1917 г. О многих из них рассказал нам бывший председатель Режицкого Совета, делегат II Всероссийского съезда Советов П. Н. Солонко¹.

Его устный рассказ записан нами в 1963 г., проверен по многочисленным источникам ЦПА, ЦГВИА, ЦГАОР, по опубликованным документам и материалам. Большую помощь в проверке оказали историки Латвии через Резекнеский краеведческий музей, куда была направлена рукопись². О некоторых фактах стало известно из редких материалов личного архива П. Н. Солонко, в частности, газеты «Известия Режицкого Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов»³, которая отсутствует в книгохранилищах Москвы, в том числе и в Библиотеке В. И. Ленина. Нет этой газеты и в Латвии, где она издавалась. Не зарегистрирована она и в списке повременных изданий 1917 г.⁴ Кроме названных материалов, удалось обнаружить в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде неполную подшивку режичских «Известий»⁵, вероятно, единственную в государственных хранилищах СССР. Но она до сего времени не использована в научной литературе. На основе перечисленных источников и написана настоящая статья. Наиболее широко использованы неопубликованные воспоминания П. И. Солонко.

¹ Пока опубликованы в записи В. В. Фарсобина два отрывка из воспоминаний П. Н. Солонко: «Две встречи с В. И. Лениным». «Вопросы истории КПСС», 1964, № 4; «Врагам нет пути к Петрограду». «Красная Звезда», 4 ноября 1966 г. Записаны также следующие разделы: «О третьей встрече с В. И. Лениным»; «Революция 1917 года на Северном фронте». «Установление Советской власти в Витебской губернии»; «1918 год на родине В. И. Ленина». Описание событий в Латвии отнесено во второй раздел.

² Окончательный вариант рукописи вместе с другими материалами будет передан на хранение в Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР.

³ Первый номер газеты под названием «Известия Режицкого Совета военных и гражданских депутатов» вышел 2 апреля 1917 г. В мае 1917 г. газета стала именоваться «Известия Режицкого Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов». В дальнейшем будем называть ее сокращенно: «Известия Режицкого Совета».

⁴ См. «Список повременных изданий за 1917 год», ч. 1. Алфавитный список. Сост. Л. К. Ильинский, ред. проф. Венгеров, Пгр., 1919.

⁵ В библиотеке имеются № 1—28 за 2 апреля—6 мая 1917 г.; № 38—221 за 19 мая—31 декабря 1917 г.; № 1—9 за 1918 г. Вероятно, в целях сохранения газет целесообразно их микрофильмировать и запретить пользоваться оригиналом.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТА

Об организации Режицкого Совета в исторической литературе сведения очень скудны. Даже в таком крупном издании, как «История Латвийской ССР», лишь упоминается об этом Совете, но неточно, он назван Советом рабочих депутатов⁶, в то время как он именовался в первые месяцы своего существования Советом военных и гражданских, а затем — солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Отрывочные упоминания не раскрывают ни его структуры, ни состава, не дают точного представления о времени его организации.

Газетный отчет за подписью «Г.—А.» под заголовком «Как организовался Режицкий Совет военных и гражданских депутатов», опубликованный во втором номере режичких «Известий»⁷ позволяет восстановить некоторые факты. Из отчета видно, что Совет организовался между 3—7 марта 1917 г. 7 марта состоялось первое заседание группы представителей местного гарнизона, которые и объявили себя Советом.

Учитывая, что некоторые члены собрания 7 марта не имели полномочий, на первом же заседании Совета решено было произвести выборы в определенном порядке. Солдаты каждой части выбирали по одному представителю. Воинские единицы, насчитывавшие больше 200 солдат, избирали одного делегата на каждые 200 чел. Офицерам каждой отдельной части надлежало избрать одного депутата. Мелкие единицы, в которых насчитывалось не свыше 50 человек, избирали одного представителя от солдат и офицеров. Городу предоставлено избирать 40 депутатов от всех общественных групп. Первое положение о выборах предоставляло явные преимущества офицерам.

К концу марта в состав Совета входили делегаты от 62 воинских частей, 15 представителей — от еврейской общины, 9 — от старообрядцев, 7 — от латышской общины, 5 — от православного и 3 от польского населения. Такой состав Совета на первых порах делал его мелкобуржуазным органом. Совет избрал из своего состава следующие комиссии: военно-исполнительную под председательством начальника гарнизона; агитационную; личного состава; городскую (для реорганизации городского самоуправления); юридическую; продовольственную; милиционную; медико-санитарную; выборно-статистическую (для производства выборов в городское самоуправление); бюро труда и призрения бедных⁸.

В дальнейшем под давлением пролетарских масс, вероятно, не в последнюю очередь латгальских землячества Петрограда, Совет постепенно начинает превращаться в классовый орган⁹. Так, 6 апреля 1917 г. общее собрание Совета выразило желание, чтобы «газета велась в соответствии с интересами трудящегося населения». Собрание утвердило «Воззвание Совета военных и гражданских депутатов к рабочим гор. Режицы». «Товарищи рабочие! — сказано в этом документе, — Вы помните, как сорганизовался Совет военных и гражданских депутатов в гор. Режице... В это время вы, товарищи рабочие, были еще не сорганизованы и не могли поэтому прислать в Совет своих депутатов. Дело не ждало. Совету военных депутатов пришлось спешно созвать представительство от города каким бы то ни было способом. Но теперь первая

⁶ «История Латвийской ССР», т. 2, Рига, 1954, стр. 468.

⁷ «Известия Режицкого Совета», 5 апреля 1917 г.

⁸ Там же.

⁹ Депутат первого состава Режицкого Совета М. П. Симонов, проживающий ныне в Архангельске, в письме к автору этих строк утверждает, что политическое лицо названного учреждения изменено по получении соответствующих указаний Московского Совета. Но он не запомнил, кто приезжал в Режицу из Москвы — представитель Солдатского совета или Совета рабочих депутатов.

организационная работа сделана, и Совет депутатов в г. Режица может быть перестроен в соответствии с задачами революционной демократии. Для этого нужны ваши представители. Мы призываем Вас, товарищи трудящиеся (рабочие, ремесленники, извозчики, железнодорожники, домашняя прислуга и все другие группы), в кратчайший срок собраться и избрать своих депутатов по одному на каждые 100 человек и прислать их в четверг в 7 с половиной часов вечера в помещение мужской гимназии»¹⁰.

Пополнение Совета рабочими представителями не означало, однако, разрыва с мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров. С момента организации Режицкого Совета, как рассказывает Павел Николаевич Солонко, в нем господствовали меньшевики и эсеры. Но в сентябре 1917 г. наметился перелом. Критика их действий усилилась. Печатный орган Совета отражал ход политической борьбы¹¹. Крупная полемика представителей революционного крыла, большевиков и им сочувствующих, с лидерами эсеров-меньшевистского блока произошла 24—26 сентября 1917 г.¹²

Делегация Режицы, возглавляемая председателем Совета эсером Г. Д. Каценеленбогеном, только что возвратилась с Демократического совещания. Это совещание, как известно, было организовано Временным правительством в Петрограде в целях укрепления своей власти. Делегаты произнесли на расширенном собрании Совета цветистые речи, которые надлежало считать их отчетом о поездке в Петроград. Они предложили закрыть заседание без обсуждения итогов Демократического совещания. Такая спешка произвела на присутствующих отрицательное впечатление. Возникла мысль, что эсеры и меньшевики опасаются открытой дискуссии.

«Помнится, что я выступил с протестом, продолжает свой рассказ Павел Николаевич¹³. Тогда меньшевики и эсеры пустились на новую хитрость. Они рекомендовали перенести дискуссию на другой день, рассчитывая, что многие их противники, особенно из окрестностей, не придут и им удастся собрать более благоприятную аудиторию». Выслушав предложение эсеров-меньшевиков, П. Н. Солонко забрался на стол и без согласия руководителей собрания открыл митинг, предложив обсудить работу режичских делегатов на Демократическом совещании. К сожалению, П. Н. Солонко не запомнил всего содержания своей речи, но основной смысл, по его словам, заключался в призыве установить Советскую власть и в критике решений Демократического совещания.

Из газетного отчета видно, что режичские делегаты с восхищением отзывались о выделении Демократическим совещанием так называемого «Временного Совета Республики» или, как его тогда именовали, «Предпарламента», претендовавшего быть законодательным органом в Российском государстве впредь до созыва Учредительного собрания. Кроме разоблачения антисоветского смысла создания Предпарламента, П. Н. Солонко критиковал и другие потуги режичских защитников Демократического совещания. Они выступали, в частности, за государственный контроль над производством. Но в условиях буржуазного общества контроль не устраняет произвола чиновников и капиталистов. Нужен общественный контроль, основанный на инициативе масс.

Митинг продолжался, но не по-соглашательски... Борьба обострялась.

¹⁰ «Известия Режицкого Совета», 11 апреля 1917 г.

¹¹ «Известия Режицкого Совета», 13 апреля 1917 г.

¹² Там же.

¹³ В газетном отчете об этом собрании сказано: «Тов. Солонко (коммунист) высказывается за продолжение заседания». См. «Известия Режицкого Совета», 26 сентября 1917 г.

ВЫБОРЫ ДЕЛЕГАТА НА II ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

В Режице активно готовились к созыву II Всероссийского съезда Советов. В печати и на митингах обсуждались задачи съезда. Меньшевики и эсеры, имея в своем распоряжении печатный орган — газету «Известия Режицкого Совета», — уже 12 октября 1917 г. опубликовали проект наказа делегатам II съезда Советов. У их противников слева такой возможности не было.

Дело осложнялось еще и тем, что эсерово-меньшевистский блок выдавал свой наказ от имени Исполнительного комитета, то есть пытался внушить, что другого наказа и быть не может, поскольку Совет де выражает мнение всех трудящихся.

Официальное обсуждение проекта наказа было назначено на 15 октября¹⁴. В этот день и состоялось пленарное заседание Совета совместно с представителями полковых, батальонных и ротных комитетов, а также солдатских судов Режицкого гарнизона. Учитывая серьезность подлежащих обсуждению вопросов, П. Н. Солонко заранее готовился к заседанию. Готовились и другие участники. Уже тогда было ясно, что значение пленума Совета может оказаться далеко не местным. От утверждения или неутверждения соглашательского наказа зависело избрание делегатов на II Всероссийский съезд Советов.

Возник вопрос: как добиться, чтобы в условиях эсерово-меньшевистского преобладания в Совете не допустить посылки представителей этих партий в Петроград? «Вспоминались случаи, — говорит П. Н. Солонко, — когда под влиянием хорошей речи за большевиков голосовали не только нейтральные, но даже колеблющиеся представители других партий. Вся ночь, предшествовавшая заседанию, ушла на подобные размышления и на составление проекта нового наказа, который надо было противопоставить эсерово-меньшевистскому. Романтика предстоящей борьбы захватывала. Ночь промелькнула молниеносно. Еще раз проанализировал эсерово-меньшевистский наказ, составил план речи. Бессонная ночь не пропала даром...»

Пользуясь монополией в Совете, меньшевики и эсеры пытались направить работу пленума по желательному им пути. Как явствует из протокола, первым выступили Г. Д. Каценеленбоген, изложивший проект наказа от имени мелкобуржуазной коалиции. Наказ состоял из 6 пунктов. Здесь имелись благие пожелания о ликвидации войны, о передаче земель в руки земельных комитетов, не менее туманные призывы к ответственности правительства перед демократией, просьба о созыве Учредительного собрания. Заключительный шестой пункт наказа требовал «объединения всех сил революции для создания единого революционного фронта»¹⁵. Под «всеми силами революции» меньшевики и эсеры подразумевали и буржуазию, в том числе и крупную. Другими словами они призывали объединить необъединимое.

Известное впечатление производило эсерово-меньшевистское требование о ликвидации войны, передаче земель в руки земельных комитетов. Стали раздаваться голоса, что Исполнительный комитет Совета, выдвигая это требование, будто бы вдруг «полевел», даже больше того; он попал под влияние большевизма. Сами эсеры и меньшевики пытались представить свой проект архиревolutionционным и наиболее «красным»¹⁶.

Два обстоятельства мешали, однако, поверить этой легенде. Во-первых, названные требования режичких меньшевиков и эсеров расходи-

¹⁴ Поскольку этот факт имеет большое значение для истории II Всероссийского съезда Советов приведем полностью текст соответствующего объявления, неизвестного ранее: «В воскресенье, 15 октября, проект будет предложен общему собранию Совета и комитетов для обсуждения его и выбора делегата на Всероссийский съезд. Исполнительный Комитет» («Известия Режицкого Совета», 15 октября 1917 г.).

¹⁵ «Известия Режицкого Совета», 12 октября 1917 г.

¹⁶ «Известия Режицкого Совета», 15 октября 1917 г.

лись с установками их петроградских лидеров, которые выступали за продолжение войны и за откладывание разрешения земельного вопроса до Учредительного собрания. Следовательно, требование должно было бы быть обращено в первую очередь к лидерам меньшевиков и эсеров, а не к съезду Советов. Во-вторых, возникал вопрос, не объясняется ли внезапное покраснение тактическими соображениями? Так оно в действительности и было!

В наказе Каценеленбогена не было самого главного — требования об установлении власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, без чего не мыслилось тогда осуществление всех других пожеланий.

П. Н. Солонко противопоставил наказу Г. Д. Каценеленбогена свой наказ, состоявший из 13 пунктов, среди которых немедленный переход власти к Советам был на первом месте. Режицкий Совет, несмотря на численное преобладание меньшевиков и эсеров, провалил проект своего лидера и утвердил текст с пунктом о власти Советов.

Утвержденный наказ неоднократно публиковался в центральных и местных изданиях под названием «Резолюция Режицкого Совета от 21 октября 1917 г.»¹⁷, а также излагался в хронике событий под той же датой. В основу публикации была положена газетная вырезка наказа, присланная в адрес ВЦИКа и хранящаяся ныне в ЦГАОР¹⁸. Но никто не установил происхождение этой вырезки. Сличение ее с первой публикацией наказа в «Известиях Режицкого Совета» свидетельствует, что они тождественны. Поскольку публикаторы не имели в своем распоряжении названной газеты, а пользовались лишь вырезкой, то допустили весьма существенную ошибку. По пометам на документе удалось установить, что вырезку производил секретарь Режицкого Совета В. Никитин. Но сделал это неудачно. Наклеив куцую вырезку на белый лист, В. Никитин написал «верно», расписался и поставил дату отсылки в Петроград — 21 октября 1917 г. С этой датой наказ Режицкого Совета стал известен всему миру, так как все публикации, кроме первой, воспроизводили эту дату. На самом же деле наказ был утвержден 15 октября 1917 г.¹⁹ Разница в неделю слишком большой срок в условиях, когда каждый день равнялся годам мирной жизни. Теперь эту неточность можно исправить. В публикациях наказа неудачной является и его характеристика. В одной он именуется «заверенной копией», а в другой — «типографским оттиском»²⁰, хотя совершенно необходимо было отметить, что речь идет о газетной вырезке.

Поскольку Режицкий Совет утвердил наказ, разработанный П. Н. Солонко, то он решил вместе с тем избрать автора делегатом на II Всероссийский съезд Советов, чтобы осуществлять проведение его в жизнь²¹.

ПОБЕДА БОЛЬШЕВИКОВ

Одновременно в Режице происходили другие события, не менее значительные по своим последствиям. Речь идет о военном суде 37-го армейского корпуса над 230 солдатами и офицерами пехотных полков 483-го

¹⁷ «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Сб. док., М., 1957, стр. 194—196; «Октябрьская революция в Латвии». Док. и материалы, Рига, 1957, стр. 223—224; «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1—24 октября 1917 г.)». Док. и материалы, М., 1962, стр. 188—189; «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. IV, М., 1961, стр. 534.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 1, д. 19, л. 5.

¹⁹ «Известия Режицкого Совета», 17 октября 1917 г.

²⁰ «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», стр. 196; «Октябрьская революция в Латвии». Док. и материалы, стр. 224.

²¹ См. «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», М.—Л., 1928, стр. 135.

100-4421

Крестовый акт. Огга
 Крестовый. Мамы
 Супруги. Огга
 Крестовый. Крестовый. Крестовый

бытию серьезное значение и командировал в Режицу старейшего партийного работника П. А. Красикова²².

В числе защитников, кроме П. А. Красикова, выступали А. А. Яблонский, в то время меньшевик-интернационалист (позднее член большевистской партии), некто Альянский, данных о котором нет, и П. Н. Солонко. В личном архиве последнего имеется письмо председателя Корпусного суда от 4 октября 1917 г. Поскольку об этом процессе нет никаких сведений в исторической литературе, вероятно, целесообразно привести документ полностью:

«В батальонный комитет 3-го железнодорожного батальона. Прошу уведомить члена комитета солдата Солонко, что по просьбе подсудимых 481 п. Мещевского полка Корнеева, Проничева и др., в числе 33 человек, обвиняемых в подстрекательстве к неисполнению оперативных и боевых приказов, в неисполнении таковых, он допускается защитником по их делу, назначенному к слушанию в ускоренном порядке судопроизводства (постановление Временного правительства от 13 июля 1917 г.) в корпусном суде 37 Армейского корпуса (Режица, Б. Николаевская, 23, Канцелярия — Садовая, 13) в десять часов одиннадцатого сего октября. Открытие сессии Корпусного суда и привод к присяге присяжных заседателей назначены в десять часов утра восьмого октября. Председатель суда, полковник Попов. Секретарь суда» (подпись неразборчива).

Ценность этого документа заключается в датировке важного события. Правда, ход суда освещался в местной газете, но лишь отрывочно. Архивные же материалы судьи постарались уничтожить, видимо, чтобы не компрометировать себя связями с керенщиной.

Защитники распределили между собой обязанности. П. А. Красиков рассматривал дела с позиций текущих событий или, как тогда говорили, «текущего момента», А. А. Яблонский характеризовал юридические факты, Альянский анализировал приказы командования, П. Н. Солонко — военно-политическую сторону этих приказов. Было допрошено около 300 свидетелей. Сохранился газетный отчет о заключительных речах защитников.

П. А. Красиков указывал, что провозглашенный революционно-демократический лозунг «Мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов!» был глубоко сознательно, идейно воспринят всей армией. Приказ военного министра Керенского о наступлении противоречил этому лозунгу, был ударом по армии, смутил политическое сознание солдат, создал недоверие солдатской массы к приказам и тем подорвал революционную дисциплину. Режицкий суд, по заявлению П. А. Красикова, являлся политическим судилищем, попыткой расправиться над лучшими и наиболее сознательными солдатами и офицерами. Это политическая чистка армии. Обращаясь к присяжным заседателям Петр Ананьевич тоном, не вызывавшим сомнения, сказал: «Вам предлагают приложить свою печать к этой «чистке», но вы откажетесь и оправдаете всех!».

Не менее блестяще выступили и другие защитники. В результате суд был вынужден оправдать обвиняемых. Но спаянные крепкой тюремной дружбой солдаты и офицеры не разошлись. Они создали отряд Красной гвардии. По словам П. Н. Солонко, отряд насчитывал около 300 человек.

У П. Н. Солонко сохранились списки подсудимых, по которым можно установить фамилии членов Режицкой Красной гвардии, так как в нее вступили все, кто значится в этих списках. В них 230 человек, но, возможно, что отряд пополнялся за счет отставших от своих частей, выздо-

²² П. А. Красиков (1870—1939) на II съезде РСДРП в 1903 г. был одним из председателей съезда. После Октябрьской революции Красиков — председатель следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией. В 1924 г. — прокурор Верховного Суда СССР. Красиков был членом ВЦИК и ЦИК СССР ряда созывов, в последние годы жизни состоял членом комиссии по разработке Конституции СССР.

равливавших после лечения в госпиталях, отпускников и т. д. Командиром отряда был избран поручик 483-го Обдорского полка И. Я. Фролов²³.

С освобождением узников жеренщины значительно укрепилась и Режицкая большевистская организация. Многие из них стали ее членами. Таким образом, Режицкий Совет накануне вооруженного восстания в Петрограде уже имел крупную вооруженную политическую силу. В этой связи представляется неточным утверждение составителей «Истории гражданской войны»²⁴, что заключенные якобы были освобождены из Режицкой тюрьмы отрядом, посланным из Двинска.

Между тем события в Режицком Совете развивались своим чередом. Совет не ограничился принятыми решениями, он постановил также избрать вместо Г. Д. Каценеленбогена председателем П. Н. Солонко. Решение не было случайным. Солонко проявил себя с первых дней Февральской революции, а внутри своей части был известен и до этого, как страстный защитник солдатских интересов. В первые дни марта Павел Николаевич избирается председателем ротного, затем батальонного комитета, а в мае 1917 г. железнодорожники Северного фронта утверждают его председателем фронтового съезда в Пскове.

В архиве сохранилось адресованное в Петроградский Совет письмо участников одного из солдатских митингов, на котором выступал П. Н. Солонко. На авторов письма речь его произвела большое впечатление и они спешили поделиться им. «Гг. офицеры объяснили нам, — говорится в письме солдат С. Гапонова и М. Григорьева, — что... можно выбрать или наметить кандидатов в ротный комитет, но не проявлять никаких действий, так как мы не имеем никакого разрешения, на что товарищ Солонко справедливо ответил, что если мы будем ожидать всякого рода разрешений, тогда дадим добровольно старому режиму вернуться к власти и тогда прощай наша свобода, равенство и братство...»²⁵. Этот документ относится к первым дням марта и раскрывает революционную позицию будущего председателя Режицкого Совета²⁶.

Эсер Каценеленбоген привык к руководящей деятельности, имел кое-какие привилегии, пользовался властью в личных целях и удаляться далеко от власти на рядовую работу не хотел. Не понимая, что революция переболела эсеро-меньшевизмом, он пытался мешать новому председателю, чтобы повернуть историю вспять. Инициатива ареста исходила от Совета и солдат, освобожденных из тюрьмы. Во время своего председательствования Каценеленбоген ничего не сделал для освобождения солдат из незаконного заточения, а наоборот, поддерживал версию обвинения, осложняя их тюремную жизнь: не разрешал свиданий, препятствовал передачам и т. д. К моменту смещения Каценеленбогена бывшие заключенные находились уже на свободе и непрестанно требовали ареста старого председателя как контрреволюционера.

«Не считая возможным арестовывать за контрреволюционность или революционность, если подобные обвинения не поддерживаются уголов-

²³ Фролов Иван Яковлевич (1886—1955) арестован был 15 июля 1917 г. за то, что «проявлял деятельность среди своих солдат... и высказывал личное мнение на какой-либо появившийся в части приказ» (см. ЦГВИА, ф. 9, отд. 4, оп. 22/80, д. 93, св. 2, л. 16—17, 19, 21). Постановлением Режицкого Совета от 4 ноября 1917 г. назначен председателем Военно-революционного комитета (см. Московский областной государственный архив Октябрьской революции, ф. 164, д. 1231). Позднее принимал активное участие в формировании Красной Армии. В боях с немецкими оккупантами в 1918 г. тяжело ранен. В последние годы жизни — персональный пенсионер.

²⁴ «История гражданской войны в СССР», т. 2, М., 1942, стр. 268.

²⁵ «Революционное движение в России после свержения самодержавия». Док. и материалы, М., 1957, стр. 631—632.

²⁶ На солдатские массы производило впечатление и то, что П. Н. Солонко, будучи юристом с высшим образованием, не гнался за погонами, а служил рядовым. Хотел мог стать офицером в любое время (см. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 4).

но наказуемыми действиями, я стал искать юридически обоснованного повода для ареста», — говорит Павел Николаевич. Повод искать долго не пришлось. Каценеленбоген отказался вернуться в свою часть, которая находилась уже в другом городе. Учитывая это обстоятельство, Совет принял решение о его аресте. В тюрьме Каценеленбоген объявил голодовку. Его единомышленники — меньшевики и эсеры — в знак протеста демонстративно покинули заседание Совета. Сам Павел Николаевич так характеризует эти события:

— Что ты наделал Солонко? — воскликнул после ухода меньшевиков и эсеров мой заместитель Н. Т. Песковский. Но уход меньшевиков и эсеров не смущал, тем более, что их протест не являлся обоснованным. Давно замечались близкие отношения Каценеленбогена с буфетчицей из столовой Совета. Естественно, возникло подозрение, что голодовка Каценеленбогена — фикция. Проходя как-то мимо буфета, я заметил большое блюдо с котлетами, прикрытое от глаз посетителей. «Не иначе, — думаю, — это приготовлено для объявившего голодовку». Я посоветовал товарищам-солдатам произвести обыск в камере Каценеленбогена, не разглашая, однако, до поры до времени этого факта. После демонстративного ухода меньшевиков и эсеров наступил момент, когда оглашение результатов обыска стало необходимым. Не обращая внимания на страхи Песковского, предоставляю слово председателю комиссии, производившей обыск, — солдату Николаю Лавренкову, члену Военно-революционного комитета, бывшему политзаключенному, незадолго перед тем оправданному судом. Поднявшись на трибуну, Лавренков объявил протокол обыска. В протоколе говорилось, что в камере Каценеленбогена обнаружено большое количество продуктов: котлет, колбасы, хлеба, мяса, яиц. С такими запасами можно было «голодать» не менее двух недель. Учитывая это обстоятельство, Совет принял решение об исключении из своего состава всех меньшевиков и эсеров за самовольный уход с заседания.

На другой день меньшевики и эсеры пытались возвратиться в Совет. Но я распорядился поставить у дверей часового для проверки мандатов и вывесить на дверях постановление предыдущего собрания об исключении самовольно ушедших из числа членов Совета. Часовой, проверяя мандаты, сличал их со списком и отбирал те из них, которые в нем значились. От души посмеялся Владимир Ильич Ленин, когда услышал несколько дней спустя мой рассказ об изгнании соглашателей из Режицкого Совета²⁷...

Приведенный выше отрывок из воспоминаний П. Н. Солонко раскрывает кусочек живой жизни и перекликается с другими фактами и событиями. Меньшевики и эсеры обвинили председателя Совета в непарламентских методах борьбы. Чтобы пресечь подобные разговоры, в период 17—22 октября 1917 г. провели перевыборы всех депутатов Совета. В результате большевики получили подавляющее количество мест.

Если бы выборы в исполком Совета происходили по простому большинству голосов, как это предлагалось на заседании, то меньшевики и эсеры вообще не попали бы в него. Но Совет утвердил пропорциональный принцип представительства. В результате Режицкий Исполком накануне ответственных событий состоял из 15 чел.: 10 — от большевистской фракции²⁸ и 5 — от блока меньшевиков и эсеров.

²⁷ См. П. Н. Солонко. Две встречи с В. И. Лениным.

²⁸ В газете большевистская фракция перечислена поименно: «Большевики: Павел Солонко, Прокофий Голубев, Иван Кирьяченко, Семен Ященко, Николай Песковский, Алексей Чирков, Иосиф Карцев, Рахиль Магдаль, Иван Филиппов, Иван Борисов» (см. «Известия Режицкого Совета», 25 октября 1917 г.). П. Н. Солонко не являлся членом партии, но входил во фракцию большевиков.

Подводя итог, местная газета 24 октября писала: «Большевистская фракция Совета имеет абсолютное большинство. Теперь открывается новая эра в жизни нашего Совета»²⁹.

Первое заседание переизбранного Совета состоялось 22 октября 1917 г. Оно было бурным и окончилось ночью. И опять возник вопрос о председателе. Н. Т. Песковский внес предложение о переносе избрания председателя на следующий день, «ибо ночью мы спим и ночью нам председателя не надо». Но ему резонно ответили, что председатель Совета в прифронтовом районе нужен каждую минуту, так как «из деятельности комитета прежнего состава видно, что председателю его приходилось часто работать и ночью»³⁰. Большинство членов высказалось за избрание председателем П. Н. Солонко³¹ — делегата на II Всероссийский съезд Советов.

НА СТРАЖЕ РЕВОЛЮЦИИ

Новому составу Совета сразу же пришлось столкнуться с серьезной обстановкой. Задолго до победы Великого Октября Керенский начал, как известно, стягивать со всех фронтов войска, чтобы их силами задушить революционный Петроград. Движение войск с контрреволюционными целями продолжалось в течение всего октября и частично ноября 1917 г. Не случайно В. И. Ленин писал о втором корниловском заговоре и торопил с началом восстания: «Нельзя ждать!! Можно потерять все!...»

Промедление в выступлении смерти подобно»³², — говорилось в одном из его писем в ЦК РСДРП(б).

В этих условиях задержание контрреволюционных войск на подступах к Петрограду становилось неотложным делом, обеспечивающим успех пролетарской революции.

В октябрьском бюллетене ЦК РСДРП(б) за 1917 г. сказано: «Поставлены заставы на путях к Петербургу: Режица, Сокольники»³³. Но скупая фраза бюллетеня не раскрывает деталей: как это происходило? Расшифровке событий не помогает и мемориальная доска на здании железнодорожной станции Резекне (быв. Режица), на которой вырублены следующие слова: «31. X (12.XI) 1917 г. на этих путях революционный гарнизон Резекне разоружил броневой дивизион, посланный на подавление революции».

«Возвращаясь однажды из Пскова, — говорит Павел Николаевич, — я решил заехать в Двинск, чтобы навеститься в армейский комитет V армии. Эта поездка, датировать которую не могу, запомнилась на всю жизнь. Перед глазами и сейчас стоит нахальное, толстое, веснушчатое лицо, рыжая шевелюра казачьего офицера, ехавшего с нами в одном купе. Всю дорогу офицер спорил с пассажирами, бросался злобными словами: «Большевики! Я бы всех их перерезал собственной рукой, чтобы не допустить революции». Не вступая в спор, делаю замечание: Не рано ли вы грозитесь, господин офицер?»

В Двинске пассажиры разошлись по своим делам. Казачий офицер направился в одно отделение штаба, где располагалось контрреволюционное офицерство во главе с командующим армией генералом

²⁹ «Известия Режицкого Совета», 24 октября 1917 г.

³⁰ «Известия Режицкого Совета», 25 октября 1917 г.

³¹ В протоколе Совета за 22 октября 1917 г. сказано: «Собрание постановляет избрать председателя и большинством выбирается тов. Солонко» (см. «Известия Режицкого Совета», 25 октября 1917 г.; «Петроградский Военно-революционный комитет». Док. и материалы, т. 2, М., 1966, стр. 406).

³² В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 435, 436.

³³ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 г. — февраль 1918 г.», М., 1958, стр. 242.

В. Г. Болдыревым, а я поспешил на расширенное заседание армейского комитета. Там происходили бурные споры о том, кому посылать помощь: петроградским рабочим и солдатам или Временному правительству. Невольно думалось, что на заседании армейского комитета как бы продолжается диалог на тему: кто кого побьет! Многие члены армейского комитета настаивали на посылке революционных войск в помощь петроградскому пролетариату. Другие выступали против. Особенно двурушнической была позиция меньшевиков и эсеров. Они высказывались против посылки революционных войск в Петроград, но молчаливо одобряли движение карательных войск.

Учитывая соотношение сил в комитете и общее настроение большевистская фракция добивалась приостановки всякого движения воинских эшелонов на Петроград, но рекомендовала посылать революционные эшелоны в другие районы страны, где местные организации не в силах были установить советской формы власти. Спор никак не мог решиться голосованием ввиду равновесия сил. Только тогда, когда в голосование включались анархисты и беспартийные, большинство получала та сторона, которую они решали поддержать. Видя, что анархисты в сложившейся ситуации склонны поддержать меньшевиков и эсеров и грозят уничтожить те эшелоны, которые двинутся в места господства их собратий, я попросил слово и заявил:

— Никакое решение, противоречащее интересам революционной армии, не будет иметь значения, так как солдаты его не поддержат. Виновники этого решения — участники заседания будут привлечены к уголовной ответственности.

Общими усилиями нам удалось сорвать эсерово-меньшевистский проект резолюции. Договорились не посылать в Петроград ни революционных, ни контрреволюционных войск. Командование присоединилось к этому соглашению.

В Режицу возвратился поздно вечером, — продолжает свой рассказ Павел Николаевич, — собрался отдохнуть, но заснуть не удалось. Раздался торопливый стук в дверь и в комнату вбежал запыхавшийся посыльный из Совета:

— Товарищ председатель, на станцию прибыли своим ходом какие-то броневики. Сейчас они грузятся на платформы.

— Что за броневики? Куда они направляются? — Но посыльный лишь развел руками.

Через несколько минут председатель был уже в Совете. Собравшиеся тут члены Совета и красногвардейцы тоже ничего не сказали: от реакционно настроенных экипажей броневиков не так легко было что-либо выведать. Но вскоре все же удалось установить, что бронедивизион снят с фронта и направляется в Петроград. Их экипажи состоят из офицеров, переодетых в солдатские шинели.

Оказывается, генерал Болдырев, опасаясь, что погрузка броневиков в Двинске может быть сорвана армейским комитетом, приказал следовать им походным порядком до Режицы. Когда красногвардейцы во главе с председателем Совета прибыли на станцию, бронемашины с закрытыми люками уже стояли на платформах. Но они уже не представляли опасности. Председатель ротного комитета 3-го ж.-д. батальона Ф. И. Кукол, назначенный Ревкомом в Октябрьские дни комиссаром станции, с помощью случайных пассажиров задержал у крана с кипятком озябших членов экипажей. Председателю Совета оставалось лишь допросить задержанных *. Так без единого выстрела был обезоружен весь

* Воспоминания Ф. И. Кукола являются ценным источником для изучения данных событий, но они не могут быть использованы более широко, так как записаны автором, когда эта статья находилась в стадии верстки.

эшелон... Председатель Режицкого Совета лично допрашивал арестованных. Вдруг в комнату, где происходил допрос, ввели солдата, лицо которого показалось знакомым.

...Ба! Так это же тот казачий офицер, который грозился перерезать всех большевиков. Напомнил его слова. Белогвардеец побледнел и стал молить о пощаде...

Задержанных, после обещания никогда не выступать против Советской власти, отпустили, а на броневики сели верные революции солдаты. Режицкий Совет от имени рабочих и солдат местного гарнизона послал Советскому правительству телеграмму, в которой докладывал о задержании броневиков, шедших «...на братоубийственную бойню»³⁴.

В «Истории гражданской войны» сказано, что в Режицу для захвата броневиков прибыл отряд, посланный армейским комитетом в составе 30 человек, что этот отряд освободил и вооружил 150 солдат, арестованных за большевистскую агитацию. Известно также имя начальника отряда — Г. Мэрэн.

«Здесь какое-то недоразумение, — говорит по этому поводу П. Н. Солонко. — Лично я никогда об отряде Г. Мэрэна не слышал. Может быть, такой отряд прибыл в Режицу в мое отсутствие или позже названных событий».

Возможно и другое. 30 человек отряда Г. Мэрэна в общей суматохе тех дней могли быть замечены не всеми или впечатление от деятельности этого отряда оказалось настолько незаметным, что оно стерлось в памяти. Существование отряда подтверждается воспоминаниями самого Г. Мэрэна³⁵. Но версия освобождения из тюрьмы 150 арестованных явно неточна. В действительности в Режицкой тюрьме содержалось около 300 солдат и офицеров, отказавшихся идти в наступление в июне 1917 г. Но к этому времени они уже были освобождены. Воспоминания Г. Мэрэна и П. Н. Солонко нуждаются в дальнейшем сравнительном изучении. Если П. Н. Солонко ничего не запомнил об отряде Г. Мэрэна, то другой участник режичских событий 1917 г. Ф. И. Кукол подтверждает факт прибытия названного отряда в Режицу в то время, когда на станции уже никого не было. Устная беседа с Ф. И. Куколом состоялась в присутствии П. Н. Солонко 17 июля 1967 г.

Обращает на себя внимание и другое обстоятельство. В «Истории гражданской войны» и в воспоминаниях Г. Мэрэна сказано, что в Двинске узнали об отправке бронедивизиона «на другой день рано утром»³⁶. Следовательно, снаряженный вдогонку отряд никак не мог успеть в захвату броневиков, так как для преодоления 85 км, отделявших Двинск от Режицы, при самых благоприятных обстоятельствах потребовалось бы не менее двух часов, а их прошло с момента отправки бронедивизиона до начала погони около десяти.

Солонко запомнилось другое обстоятельство: армейский комитет присылал двух своих представителей благодарить Режицкий Совет за проявленную инициативу в задержании броневиков.

Не знали тогда красновардейцы, что первая победа является для них лишь своеобразной репетицией перед более серьезными событиями. А они не замедлили наступить...

Контрреволюция строила новые козни против Советской власти. В. И. Ленин в штабе Военно-революционного комитета в те дни высказывал мнение о возможности нового наступления на Петроград войск Керенского, которые по имевшимся данным концентрировались в районе Луги. И это, действительно, было так.

³⁴ «Правда», 8 (21) ноября 1917 г.

³⁵ Г. Мэрэн. Октябрь в V армии Северного фронта. «Знамя», 1933, № 11, стр. 132—148.

³⁶ «История гражданской войны», т. 2, стр. 268.

Выполняя предписание контрреволюционной Ставки, командование Северного фронта пыталось сломить сопротивление Режицкого гарнизона и Красной гвардии, послав войска на выручку задержанных в Режице броневигов.

Красногвардейцы несли обычную вахту по охране броневигов, когда внезапно налетели казачьи сотни. Лишь позднее стало известно, что за продвижением этих броневигов на Петроград пристально следил генерал Н. Н. Духонин. Он непрерывно запрашивал штаб Северного фронта:

— Отправлены ли бронемашины? — спрашивал он у начальника штаба фронта генерала С. Г. Лукирского.

А тот отвечал: «Броневики из состава V армии застряли в Режице. Послал на выручку им две сотни уссурийцев, добровольно согласившихся сопровождать броневики в Гатчину»³⁷...

Тогда руководители Режицкого Совета не знали об этом разговоре. Красногвардейцы, захваченные врасплох, были арестованы казаками. Броневики снова оказались в руках белых.

Совет объявил в городе тревогу. Были подняты на ноги 400—500 красногвардейцев и рабочих. Винтовок хватало на всех, а вот патронов — в обрез. Где их достать? Долго ломали над этим головы. Вдруг кто-то воскликнул:

— Товарищ комиссар! (К тому времени Солонко уже был не только председателем местного Совета, но одновременно и представителем Петроградского ВРК). В гостинице живет офицер, который держит в своем номере четыре ящика с патронами. Зачем они ему?

— Мы немедленно помчались в гостиницу. Вот и комната. Но на стук никто не ответил. Тогда красногвардейцы выбили оконную раму. В номере, действительно, нашли ящики с патронами. Из груди вырвался облегченный вздох: вопрос с боеприпасами был решен.

Приказав раздать патроны, председатель возвратился в Совет. И тут же схватился за телефонную трубку:

— Станцию!

К телефону подошел казачий офицер.

— Говорит председатель Режицкого Совета.

Я требую, чтобы старший офицер немедленно явился в Совет.

Последовал категорический отказ.

— Предупреждаю Вас: мы никому не позволим хозяйничать на территории Совета. Дорога заминирована. Если только составы двинутся с места, путь будет взорван.

Пока велись эти переговоры красногвардейцы со всех сторон окружили станцию. Время было выиграно. Прошу казачьего офицера передать трубку начальнику станции. Успышав голос начальника станции, делаю следующее распоряжение: немедленно освободите станцию от служащих и пассажиров. Сейчас начнется бой с казаками.

В телефонной трубке раздался истерический крик начальника станции: «Спасайтесь, кто может!».

Люди, находившиеся на вокзале, бросились врасыпную. Казаки побежали к вагонам. Вскоре в Совете раздался телефонный звонок. Начальник Красной гвардии спрашивал.

— Прикажете взрывать эшелоны? — Затем добавил: — Казачьи поезда задним ходом покидают вокзал.

Портить железнодорожную линию не хотелось, тем более, что броневики остались у нас, и я ответил:

— Полотно не взрывать.

³⁷ «Красный архив», 1927, № 5, стр. 91—92; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1552, л. 21, 37.

Далеко уйти казачьим составам не удалось. На восьмом километре от Режицы эшелоны столкнулись.

На этом попытки карателей прорваться на Петроград не прекратились. Спустя некоторое время с соседних станций сообщили о движении на Режицу новых воинских эшелонов и на сей раз с казаками. Красногвардейцы, получившие боевой опыт, при новом испытании действовали более решительно и умело, чем прежде. Не ожидая указаний сверху, Совет разработал план по разоружению казаков: распределили обязанности, заминировали в нескольких местах железную дорогу, расставили броневики, проинструктировали красногвардейцев и солдат местного гарнизона. Перед железнодорожниками была поставлена задача расчленить эшелоны: первый принять на Виндавском вокзале, второй на Варшавском.

Один эшелон Совет поручил разоружить отряду во главе с начальником Красной гвардии И. Я. Фроловым, а руководство захватом другого состава, в котором, как стало известно, находился казачий генерал, председатель Совета вместе с начальником местного гарнизона подполковником Пинхусовичем взяли на себя. Аркадий Кириллович Пинхусович — замечательный человек, командир и революционер. До июня 1917 г. он командовал батальоном 734 пехотного Прешканского полка. В июне был арестован по обвинению в «возбуждении солдат против офицеров»³⁸ и посажен в Режицкую тюрьму. Мы освободили его вместе с другими арестованными, так как обвинение против него было ложным. В момент Октябрьских событий Совет назначил его начальником Режицкого гарнизона. Мне известно, что этот человек погиб в гражданской войне, сражаясь за Советскую власть. Большого о нем не знаю, но хотелось бы знать.

По прибытии казачьих эшелонов красногвардейцы приступили к осуществлению намеченного плана. Как резвертывались эти действия?

— Когда мы вошли в генеральский вагон, Пинхусович взял под козырек и вежливо, но твердо произнес:

— Ваше превосходительство! Приказом Режицкого Совета, мне, как начальнику местного гарнизона, предложено разоружить эшелон. Прошу сдать оружие!

— Мы Советов не признаем. Приказу не подчинимся. Если потребуется, вступим в бой, — следует ответ.

Услышав эти слова, председатель Совета тут же предложил Пинхусовичу выполнить приказ во что бы то ни стало, а сам направился к выходу.

— Не шутите, генерал, — заявил подполковник. — Не успеете выйти из вагона, как будете, уничтожены. Обратите внимание на этот куст...

Генерал выглянул в окно. Заняв удобную позицию, наготове стояли броневики, залегли цепи красногвардейцев! Генерал обмяк и принял ультиматум...

Бюро военной организации РСДРП(б) V армии в начале ноября 1917 г. сообщало в Центральный Комитет партии: «Мы задержали 3 казачьих полка и 16 броневику и бронированный поезд с определенно враждебным настроением»³⁹. А несколько дней спустя Павел Николаевич Солонко лично доложил об этих событиях Владимиру Ильичу Ленину⁴⁰.

³⁸ ЦГВИА, ф. 2234, оп. 1, д. 744, л. 232.

³⁹ «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями за ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.». Сб. док., т. 2, М., 1957, стр. 460.

⁴⁰ См. П. Н. Солонко. В Смольном и Кремле. В кн. «Вечно живой», М., 1965, стр. 138—139.

* * *

Режицкие события 1917 г. имели далеко не местное значение. Об этом, в частности, свидетельствует и запись разговора по прямому проводу Н. Н. Духонина с генерал-квартирмейстером Северного фронта В. Л. Барановским от 31 октября 1917 г. Докладывая Духонину о движении контрреволюционных войск на Петроград, Барановский сообщил: «Сегодня должны были уйти уссурийцы и нерченцы из Пскова, но в связи с режицкими событиями были задержаны»⁴¹.

А почему они были задержаны, теперь становится более ясно.

Новые материалы по истории Октябрьской революции в Латвии позволяют расширить круг представлений о событиях в важных пунктах страны. Но еще много предстоит сделать по их изучению, сбору, систематизации и воспроизведению в публикациях для широкого круга читателей. Пока эти материалы доступны единицам исследователей.

Важно и другое. Еще живы немногие участники революции. Необходимо собрать крупицы сведений о прошлом, сохранившемся в их памяти. Нельзя пренебрегать ничем. Даже мелкие детали важны для воссоздания истории Октября.

⁴¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Док. и материалы, М., 1957, стр. 650—651.

